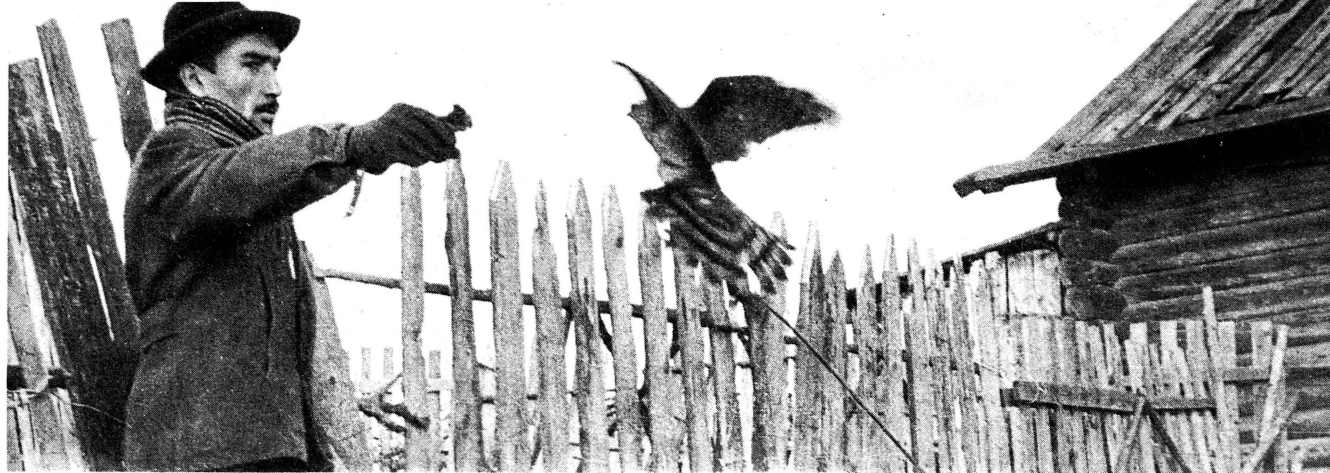

ВОКРУГ **СВЕТА**

3 1974
МАРТ

Валентин Прищиков — хранитель традиций древнего искусства птичьей потехи.

Мы приехали в Бернгардовку под вечер. Было серо, слякотно и пустынно. Под ногами хлюпали желтые от опавшей листвы лужи. В такую погоду только неотложные дела могли выгнать человека из дому. Валентин шел быстро. Возле одного из домов остановился, сказал:

— Вот здесь и снимаю комнату. В город его не повезешь: в тепле держать не годится...

Ястреб сидел в сарайчке, поставленном в глубине небольшого огорода. Валентин осторожно усадил птицу на руку, одетую в кожаную перчатку, и вынес на улицу. Ястреб веером распушил хвост, резко взмахнул крыльями и тут же беспомощно рухнул вниз, остановленный должником — крепким кожаным

Стольник и московский ловчий А. И. Матюшкин показывает царских соколов иностранному гостю. С картины А. Литовченко.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

Красная Птичья Потеха

ремешком. После двух-трех таких же неудачных попыток притих, тоскливо цвиркнул. Голова его повернулась к нам, холодно блеснул зрачок. Валентин не торопясь вложил в руку, на которой держал ястреба, полуощипанную тушку голубя. Переступив, ястреб встал на нее. Грозно сжались саблевидные черные когти.

— Чтобы не убежала, — прокомментировал Валентин. — Не решил, будет есть или нет, но отпустить уже не хочет. Я недавно его привез из вологодских краев. Еще и не занимался с ним толком...

Темное мясо голубя неудержимо притягивало к себе ястреба, но он все еще держал голову прямо, недвижимо: в нем боролись голод, страх, гордость, злоба. На какой-то момент его привлекли мелькнувшие в темнеющем небе свирстели. Он так и подался вслед за ними, потом вдруг резко склонил голову набок и коротким, стремительным движением вырвал клок мяса. Еще, еще...

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнул Валентин. — Ястребы, они сговорчивые. Соколы, те, слушаются, умирают, так и не согласившись взять пищу у человека.

Валентин перекалывает голубиную тушку в правую руку, чуть-чуть отводит ее в сторону:

— Ну-ка попробуй перескочить. Смелей!

Ястреб медлит, ему страшно расстаться с перчаткой, которая вела себя дружелюбно. Голубь, однако, там, в другой руке, и ястреб не отрывает от него взгляда. Наконец лапы, прикрытые пестрыми перьями, шевельнулись — взамах крыльев, неловкий скачок, и ястреб снова рвет голубиную тушку.

— Поддается. Может, и получится из него охот-

Сокольник. С русской гравюры на меди XVII века.

ник, — вслух размышляет Валентин. — Впрочем, все может статься...

Валентин несет птицу обратно в сарай:

— На день, а то и на два ему достаточно, — заключает он. — Потом опять приеду. И так всю зиму. Кстати сказать, Филипп, с которым я затравил зайца, похож на него...

О Филиппе и зайце я уже слышал и довольно четко представляю себе, как все было. Заяц неожиданно вымакнул из кустов, крупный, тяжеловатый на ходу, солидный. Валентин тогда же окрестил его «профессором». Вот только шубка не шла ему, мешала стать совсем важным — недоинявшая, куцая, раздерганная: белая шерсть вперемешку с рыжей, не успевшей выпасть.

Филипп, серый тетеревиный, был раза в три меньше косога. Самец. Таких называют челигами: у хищных птиц они обычно намного слабее и меньше самок. Спустить Филиппа — значило подвергнуть его риску. Здесь было о чем поразмышлять, но сработал охотничий азарт. Привычное движение руки, одетой в кожаную перчатку, — кольца опутенок, охватывающих лапы, скользнули по должнику, и вот уже ястреб рвется к добыче...

Заяц сразу оценил опасность, понял, что не уйти, и, когда Филипп готов был вцепиться в лохматую шубу, стремительно перевернулся на спину, поднял лапы. Птица, спасаясь от острых когтей, взмыла вверх; косою успел проскочить по направлению к лесу еще несколько метров, прежде чем ястреб снова повис над ним.

Заячья спина ушла из-под птицы в последнюю секунду: чуть не по самым перьям скользнули заячьи лапы, хищник едва успел отвернуть в сторону. Так повторялось несколько раз. До леса оставалось совсем немного, но заяц, видно, не рассчитывал больше на свою ловкость и прыгнул в первый попавшийся на пути куст. На его счастье, куст попался раскидистый, в нем было где затаиться. Ястреб сделал круг и сел тут же, на сухую вершинку.

Валентин застыл на месте. Что будет дальше? Ястреб не торопясь поджимает одну лапу. Точно так, когда спит. Значит, устроился надолго, не собирается улетать. Неужели решил посидеть зайца, дожидаясь, когда тот отважится поскочить дальше?

Больше часа слыла тишина над поляной. Заяц поверил ей. Беспечно выскочил из куста, словно ему никогда и ничто не угрожало. Ястреб не потерял ни секунды. Косою дернулся, но было поздно: одна из хищных лап уже впилась в него. Заячий вскрик прорезал осенний воздух. Челиг натужно махал крыльями, тянул вверх непосильную ношу. Поднять, конечно, не поднял, но не дал зайцу снова перевернуться на спину. У зайца вся надежда теперь была на лес, он протащил на себе ястреба еще метра четыре, но тот чувствовал присутствие хозяина, оно подстегивало его, и птица яростно цеплялась за добычу. Обреченно дыша, заяц повалился на бок...

— Я подбежал, не без труда освободил зайца от ястребиных когтей, сунул его в шагач — сумка такая из лозы и кожи для живности. Ястреба повалил на перчатку, — дополняет Валентин на обратном пути к электричке свой прежний рассказ. — Мог бы Филипп справиться с зайцем в одиночку? Конечно. Он бы от него не отцепился. Сокол, тот своим жертвам ломает шею. Клювом. У него на клюве специальный зубец. У ястреба зубца нет, но зато кровожаден. Сокол сытым никого не губит. Ястреб никогда не пропустит случая задавить птицу. Даже друг друга не щадят. Этот же Филипп сожрал потом одного из самых хороших моих ястребов — Розово-

БИОГРАФИЯ РЕМЕСЛА

го. По оплошности я привязал их на шесте слишком близко друг к другу...

Что с тем зайцем случилось? — повторил Валентин мой вопрос. — Я принес его в деревню, показал всем. Потом посмотрел, что глаза у него остались целы, серьезных ран нет, и ночью выпустил в лес. Понравился мне «профессор» своим мужеством. Заслужил пощады. К стати, птиц я тоже всегда выпускаю, если они после ястреба остаются живыми. Не могу добывать. Да и не в добыче дело...

Мы встречаемся с Валентином не впервые, и каждый раз я с наслаждением вслушиваюсь в музыку старинных речений. Помцы — от помыкать, ловить. Вабить, повабить — значит манить, приманивать к себе сокола или ястреба, причуять их возвращаться к охотнику и садиться на руку, одетую в кожаную перчатку, или на специальное вабило — обычно крыло птицы, на котором хищник получает мясо. Упомянувшиеся вскользь опутенки — это ремешки из оленьей замши. К опутенкам прицепляют дольки — прочный ремень с утолщением, шляпку на конце. К дольнику крепится шнур, или, если следовать старинной терминологии, вервь: она мешает птице улететь. К принадлежностям соколиного и ястребиного наряда относятся также клобучок, нагрудник, нахвостник, обножи, сильца, колокольцы, вотолки, ворволки. Помчи, опрометы, кутни, поножи, гвозди с сильями — это различные приспособления для ловли птиц. Самых соколов и ястребов по возрасту делят на гнездарей, слетков, молодых, ромытов, дикомытов...

Несомненно русские и все-таки незнакомые слова, которых не найти даже у Даля, всплывают одно за другим. За ними целый мир, ныне полузабытый, высокое искусство красной, как говаривали пращурь, славной птичьей потехи. Валентин Михайлович Прирашников — один из немногих, а может, и последний ее поклонник в наших краях.

— Отец у меня был ветеринарным врачом и ружейным охотником, — рассказывает Валентин. — От него я много узнал про животных. Птицами увлекся с детства. Сначала всяких птах ловил. Для себя, для продажи. Лет с пятнадцати заинтересовался ястребами. Это у меня, видно, в крови. Если верить дядюшке, соколиником был наш пращур. Потом уже кто-то из его наследников, когда интерес к соколиной охоте стал пропадать, пошел в приказчики. Отсюда и фамилия наша...

Валентину лет тридцать с небольшим. Стройный. Красивые волосы, уложенные на старинный манер. Есть в нем какое-то спокойное достоинство, некоторая горделивость, строгость. Родом он ленинградец, здесь вырос, окончила десятилетку. Работает много лет на одном месте — лаборантом в научно-производственном объединении «Пластполимер». Все свободное время отдаёт птицам, отпуск проводит только на Севере.

— Что мне на тех югах делать, — коротко поясняет он. — На Вологодчине деревенка есть такая — Тудозеро. Там меня теперь уже все знают...

Сокол, во всяком случае лучшие из соколов, — продолжает Валентин, — птица северная. В неволе их в полумраке держат на ледяных глыбах. Добывают и добывали прежде в основном на Севере, на берегах ледовитых морей. В документах можно прочесть о Канинном Носе, Терской и Двинской сторонах, о Тиунском берегу, о Печорском крае. Оттуда больше всего да еще из Сибири их везли. В специальных коробах, обитых изнутри овчиной.

Историю соколиной охоты Валентин знает великолепно: дома у него целая библиотека. Среди прочего — несколько роскошно изданных еще в прошлом веке фолиантов с превосходными иллюстрациями.

Кое-что он показал, а потом и принес мне. И я на несколько вечеров погрузился в повествование с древнем промысле, где соседствует как будто бы несовместимое: азарт и выдержка, риск, мужество и расчет, наблюдательность, осторожность.

Откуда пошла на Руси соколиная охота, сказать трудно. Сокол был уже в личном гербе Рюрика, а соколиный двор держал Олег, воевода Игоря. Ловчих птиц можно увидеть на фресках Софийского собора в Киеве. Страстным соколиником рисуется в летописи Владимир Мономах: он стремится проникнуть во все хлопоты соколиного двора, сам заботится о любимых своих соколах и ястребах.

В средние века в Москве и под Москвой, не считая частных птичьих охот, существовало два государевых соколых двора — Семеновский и Коломенский. Зимой птиц содержали в светлицах, летом — в амбарах. Поставляли голубей для кречетов и ястребов, конечно, крестьяне. На протяжении столетий они несли «голубиную» повинность. На территории нынешних Сокольников в Москве располагалась слобода, где жили кречетники, сокольники, ястребники, а также несколько помытчиков и зверовщиков со своим начальством. Была при царском дворе и специальная должность сокольного: впервые она упоминается в документе, датированном 1613 годом. Выступал тогда в этой роли пращур Пушкина — думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин.

Но расцвела птичья потеха в России при отце Петра I — Алексее Михайловиче. На царских кречатках при нем содержалось до трех тысяч соколов. Сокольников своих Алексей Михайлович знал до подноготной. Отправляясь в поездки, царь регулярно слал сокольным Афанасию Ивановичу Матюшкину письма. Сохранилось двадцать пять таких писем. Царь постоянно напоминает в них Матюшкину, чтобы «роят», то бишь сокольников, держал в руках и чтобы они были «вежливы», «меж себя в дружбе», чтобы «раздору не было никакого». Благодаря этим письмам дошли до нас имена многих сокольников — Паршутка, Михайка, Левка, Митрошка, Корчмин, Шатилов, Марк...

Все, что было связано с соколей охотой, окружалось некоторой таинственностью. Посторонним проникнуть в царские кречатки было немислимо. Знатный чужестранец, барон из Австрии, полгода добивался возможности увидеть и нарисовать царских кречетов. Птиц показали, но в специальной избе. Их принесли шесть сокольников в ярких дорогих кафтанах. Птицы тоже были в новых клобучках из великолепной ткани с длинными золотыми веревочками на правых берцах. У лучшего из соколов — белого цвета с крапивою — на правом берце красовалось золотое кольцо с рубинами. Чужестранец поинтересовался, где водятся кречеты. Ответ был:

— В областях великого государя.

Церемония пожалования рядового сокольника в начальные была замысловатой и торжественной. Она расписана в старинном документе «Урядник сокольного пути», составленном при Алексее Михайловиче.

Открывался «Урядник» красноречивым гимном соколиной охоте. «Безмерно славна и хвальна кречатка добыча, — восклицал его составитель. — Красносмотрителен и радостен высокова сокола полет. Премудра же соколя добыча и лет».

В древности ловчих птиц, конечно, приручали не ради забавы: они помогали добывать пропитание и часто оказывались надежнее силков или лука. При Алексее Михайловиче соколиная охота все еще считалась добычливой, но уже тогда ее ценили прежде всего как зрелище. Ведь сокол своего рода

спортсмен среди хищников, и ему очень важно, как будет добыта птица...

— У меня не выходит из головы рассказ одного из знакомых орнитологов, — говорил мне как-то Валентин. — Он наблюдал за кречетом, этой благороднейшей птицей из соколиного семейства, на Куршской косе, под Калининградом. Там, на орнитологической станции, огромные ловушки: колыцуют попавших туда во время перелетов птиц. Так вот. Шторм баллов десять. Неба не видно, и не тучи его закрыли, а белая водяная пыль. А кречету все нипочем. Играется с поморником: птица такая есть. Удачит, взмоет вверх и снова идет на снижение. В соколиной охоте это называется сделать ставку. Не меньше десяти ставок кречет сделал. Потом, когда наигрался, схватил и понес птицу на берег. Сел на вершине холма, принялся поедать добычу...

Такое обычно для сокола. С первой ставки он никогда не поражает и не стремится поразить добычу. Он снова и снова взмывает кверху, словно наслаждаясь своей силой, быстротой, ловкостью, точностью прицела. На земле сокол никогда никого не трогает. Только в воздухе. Кречеты способны достигать высоты около двух тысяч метров — черной точкой становятся для невооруженного глаза. Схотятся они часто на пару: один летит пониже, спугивает дичь, второй держится наверху, готовый на нее броситься.

Сейчас соколы — редкость. На воле их даже увидеть удается не каждому. В старину существовало специальное сословие помытчиков, занятых ловлей кречетов. Известны, к примеру, двинские и каргопольские помытчики: на царские кречатни они должны были ежегодно поставлять по два кречета белых, три крапленых и по тридцать пять серых. Самыми ценными считались белые, особенно самки. Попадались они крайне редко, их даже не упоминают в перечне обязательной посылки: удачи нельзя требовать, на нее можно только надеяться.

Труд помытчиков признавали тяжелым. Их многие десятилетия освобождали от податей и налогов, даже от яма (обязанности поставлять лошадей или корм для лошадей государевым людям) и городского дела (строительства крепостных сооружений). Цена выношенному соколу была огромной — во все времена он стоил нескольких коров, целой избы и даже более.

Гоняли на Север ватаги помытчиков, старались добрить их, прикрепить к ремеслу — не случайно. Если посольству какому куда ехать, в числе главных подарков почти всегда были кречеты. В Англию, Польшу, Данию, Турцию — куда только ни слали русских соколов...

Не просто было помытчикам добираться до ледовитых морей, огромной выносливости требовал и сам промысел. Кречеты гнездятся на скалах, в труднодоступных местах. Брать их из гнезда опасно. Ловить с помощью перевесов — сложно. Но не каждому дано и такое терпение, чтобы часы, дни, недели проводить на помцах, в полевом сидении без всякой надежды на успех.

— За все годы у меня побывало только четыре небольших соколика-чеглока, — не без грусти сообщает Валентин.

Большого, одного из лучших — странствующего сокола-сапсана Валентин пытался поймать у истока Невы в Петрокрепости: орнитологи сказали ему, что сапсаны пролетают над нею каждую осень. Валентин отправился туда со всем снаряжением, просидел восемь дней, но бесполезно: канюков видел больше сотни, а сапсаны так и не появились. Чеглоков же Валентин добыл около полюбившейся ему деревеньки Тудозеро.

В ремесле помытчика на первый взгляд ничего хитрого нет: надо разложить в поле сеть-тайник, привязать по соседству манную птицу и, как только сокол появится, шпарнуть, подбросить ее навстречу хищнику. Обычно он тут же бросается на нее, вонзая когти. Спрятавшемуся поблизости охотнику остается только притянуть его вместе с манной птицей к сетке и обоим накрыть ею. Но как увидеть сокола, не прозевать его? Помытчики никогда не надеялись на собственную зоркость. Помогали им серые сорокопуть: маленькие пахи из семейства воробьиных. При приближении сокола сорокопуть первым торопится всех предупредить об опасности. Далеко окрест разносит его суховатое «чек-чек-чек»: словно камень стучит о камень.

Валентин действовал в полном согласии с вековыми традициями. Поймал сорокопута, привязал его на колышек неподалеку от сетки-тайника, вырыл ямку, чтобы сторожкой птице было куда спрятаться от хищника. За манную птицу взял зяблика. Сам укрылся в кустах, метрах в сорока.

«Чек-чек-чек» — зазвучало очень скоро. Сорокопуть торопливо побежал к ямке. Валентин и сам увидел чеглока. Шпарнул зяблика, не промедлив. Чеглок пролетел как ни в чем не бывало. Не заинтересовался ни сорокопутом, ни зябликом, словно их вовсе не было. Так продолжалось несколько дней. Отпуск Валентина таял как весенний снег, а вынашивать и приручать было некого. Валентин даже растерялся, не понимая, почему у него ничего не получается.

Отступать все-таки не хотелось. Он оставил на время свою сеть. Решил понаблюдать за соколиками, присмотреться к ним. Тогда и увидел, как над небольшим озерком они берут ласточек. Выходит, не зябликом, а ласточкой надо их приманивать. Теперь они стали дежурить в другом составе: человек, серый сорокопуть, ласточка.

Сначала вроде бы все шло по-прежнему, но уже на второй день чеглок после того, как ласточка, словно выстреленная, метнулась ему навстречу, сделал первую ставку. Играючи. Царапнул птицу и тут же взмыл вверх. Потом опять устремился вниз, нанес несильный удар и снова стал набирать высоту. Ласточка храбро отстаивала жизнь, металась из стороны в сторону, и соколик, видно, решил, что охоту пора кончать. Он начал снижение с вытянутыми лапами в замедленном темпе, рассчитывая каждое движение. На этот раз удар был смертельным, и чеглок вместе с ласточкой повалился на осеннюю жухлую траву. Победитель не чувствовал, как его потянули к сетке вместе с жертвой.

— Быстрый чеглок. Как молния, — замечает Валентин. — Он был слетком — так называют молодого сокола, слетевшего с родительского гнезда, но еще не линявшего, не мытившегося. Понятливый. Я приучил его ловить жаворонков. К сожалению, в неволе они недолго охотятся: два-три года. Потом теряют свои боевые качества. А жить — живут. В Нью-Йоркском зоопарке сокол прожил 162 года... Вообще-то, чтобы по-настоящему заниматься сокольной охотой, надо быть от всего свободным...

Это не фраза. Красная птичья потеха требует высокого профессионализма, и о ней, естественно, стали забывать сразу, как только была ликвидирована государственная служба «сокольного пути». Поймать птицу сложно, еще труднее обучить ее.

Учеба начинается с держания, или вынашивания. Ястреба укутывают в специальную пеленку — усеченный конус с отверстием для головы, надевают ему на лапы опутенки и привязывают к ним должик. Все первые сутки ястреба носят привязанным

Издавна в Киргизии существует профессия саятчи — ловцов хищных птиц. Саятчи хорошо знают пути, которыми летят соколы и ястребы в родные края и на зимовку. Эти пути проходят над Иссык-Кулем... Именно там, у подножий окруживших озеро гор, в ущельях, саятчи устраивают засидки. Поймать хищную птицу — большое искусство, но не менее сложно — обучить ее охотничьему мастерству.

Фото
И. КОНСТАНТИНОВА

к руке, одетой в кожаную перчатку. Останавливаться нельзя: необходимо, чтобы птица чувствовала непрерывное движение. Стоит задремать, промедлить минуту, зазеваться — птица моментально восприняет духом: глаза у нее проясняются, снова проглянет в них диковатый блеск — и тогда все начинай сначала.

— Первые, самые трудные сутки, вынашивают обычно вдвоем, попеременно, — объясняет Валентин. — Но однажды я остался один. Ястреб, как назло, попался необычайно упорный. Бился я с ним трое суток. Трое суток не спал. Держался только на кофе. Потом, когда он начал наконец клевать мясо, в пору было заплакать от радости, от облегчения...

Время на вынашивание во многом зависит от возраста птицы. Легче приручить гнездаря — птенца, взятого прямо из гнезда и не успевшего на воле научиться летать. Слеток, птенец, привыкший к полету, дается труднее; розмыт — птица, которая однажды уже линяла, тем более. Самое сложное — покорить дикомыта, взрослого, опытного ястреба, линявшего, мытившегося много раз. Но и почетнее всего, всего заманчивее: из дикомытов вырываются лучшие охотники. В неволе невозможно научиться тому, что само собою приходит в свободной охоте, рядом, крыло в крыло с другими матерями, умудренными годами хищниками.

— После того как сокол взял мясо, он еще не стал ручным, — предостерегает Валентин. — Может и когтями хватить. Когти у него длиною до трех с половиной сантиметров. Беречься их надо. Мне самому сколько раз попало...

После первых бессонных суток сокольник может дать себе отдых. Ночью он спит сам и позволяет спать птице. Но только ночью, в темное время. Зари ждать нельзя. Надо вставать до света и снова начинать бесконечное, бессмысленное, если смотреть со стороны, хождение по избе.

— Вынашивание продолжается неделю или даже десять дней. Какая жена вытерпит мужа, занятого столь несерьезным делом? Вот так и живу один... Птица, она всего тебя требует. Разве кто поймет это... — продолжает Валентин. — Только через неделю или десять дней наступает пора вабить птицу. На это уходит еще две недели, а то и больше. Я приручаю ее тем, что даю клевать мясо на перчатке, где она обычно сидит. Сначала заставляю птицу переходить с руки на руку. Пер-

вый шаг дается с трудом, ястреб не сразу на него решается. Потом сажаю его на спинку стула, и он уже с нее возвращается на перчатку. Расстояние увеличиваю постепенно.

Первое время вабят, как говорили в старину, с вервью. Привязывают птицу бечевкой, легоньким шпагатом, таким, чтобы она его почти не чувствовала. Поторопнившись, упустишь — насмарку труд трех-четырех недель...

После вабления наступает время притравливать птицу, учить охоте. Я беру для этого голубей. В городе их больше чем надо. Летают они великолепно. Увертливы. Ястреб сразу кидается на них. В книгах я читал, что полезно подзывать ястреба сигналом. Свистком, например. Я не придаю сигналу значения. Рассчитываю прежде всего на зрение, на прямую зрительную связь. Если ястреб далеко, машу ему рукой. К хвосту у него, кроме того, прикреплен колокольчик, который помогает отыскивать беглеца...

Настойчивости, терпения, умения подмечать самые малые малости в поведении и настроении живого существа, правильно толковать, понимать эти малости требует всякая дрессировка. Дрессировка

ловчих птиц в особенности. Сокольников, хочешь не хочешь, приходится быть собранным, сосредоточенным, чутким ко всему, что делается вокруг. Валентин не курит, не пьет. Даже сухого вина.

— В компании в этом отношении я человек желтый, — шутит Валентин. — Но что делать? Птица не любит табака. Пьяных тем более. Случалось, брали моих ястребов на руки люди под хмельком. Ястреб сразу взъерошится, натопорщится... Понимает, что человек не такой, как всегда, нельзя на него надеяться. Сокольников не каждый может стать. Любить надо соколю охоту, призвание иметь.

Я все-таки должен поймать сокола. Большого сокола, — который раз вздыхает Валентин. — Соберусь как-нибудь с деньгами, со временем и поеду на дальний Север. В те места, куда ходили когда-то помытчики.

На этот раз мы с Валентином беседуем в городе. За окном синее небо, и в нем своя жизнь. Мне радостно, что повстречал человека, для которого «сокол» — не звонкое слово из книги, а живое, близкое существо, воплощение красоты, восхищавшей когда-то наших прашуров.

МЫШИНЫЙ «РАЙ»

Около пяти лет тому назад д-р Джон Колхаун из Института психического здоровья в г. Пулсвилл (штат Мэриленд, США) создал мышиный «рай», который назвал «Универсум-25». Этот «рай» представлял собой воплощение всех мышиных желаний, и все в нем должно было быть подчинено их исполнению. В «раю» еды было вдоволь, самой вкусной и разнообразной, сколько угодно питья. Мыши резвились на обширном пространстве при оптимальной температуре. Прекрасные условия жизни и необходимые прививки предохраняли их от болезней. Были предусмотрены также специальные отделения для беременных мышек, чтобы ничто не препятствовало им свободно размножаться. «Рай» был рассчитан на 4 тысячи «граждан».

Сначала поселили в нем четыре супружеские пары. Чувствовали они себя здесь прекрасно, и через год население «рая» насчитывало уже тысячу мышей. Некоторые из них дожили до мышиных седин (800 дней), что в пересчете на человеческий возраст составляет 80 лет. Однако вскоре что-то в этом «раю» испортилось. Третье поколение самцов устранило между собою кровавые драки, во время которых множество мышей было загрызено победителями. И все же появилось на свет четвертое поколение, хотя и менее многочисленное. Мужские представители этого поколения уже не дрались между собой. Д-р Колхаун назвал их «красавцами», так как они отличались замечательным мехом, не тронутым зубами соперников. Но продолжения рода они не дали.

Экспериментатор пробовал спасти это поколение. Он переносил «красавцев» в другие клетки, к обычным, «не райским» самкам. Ничего не помогло: в один из майских дней 1973 года умер естественной смертью последний житель «Универсума-25». «Рай» опустел.

Д-р Д. Колхаун и его сотрудники загрустили, так как, по их мнению, возникает неприятная аналогия: люди стремятся жить в мире, свободном от болезней и проблем, связанных с обеспечением быта, а результаты опыта на мышах...

Что можно сказать об этом? Прежде всего опыт доктора Колхауна подтвердил известное положение об эво-

люционной бесперспективности изолятов. Не углубляясь в существо и детали идущих в этих условиях наследственных, генетических процессов, отмечу лишь, что в изоляции утрачивается пластичность вида, популяция как бы застывает. Кроме того, в каждой популяции существует «зараженность» летальными генами. Помимо этого, любая передатчица наследственных признаков — хромосома содержит в природе одну, две или больше вредных мутаций. Такова естественная «загрязненность» наследственного фонда любого вида животных. В обычных условиях при свободном скрещивании многочисленных особей все эти вредные мутации оказывают, однако, небольшое отрицательное влияние на жизнь популяции (здесь срабатывает сложный генетико-компенсационный механизм). Иное дело, когда происходит близкородственное скрещивание. При этом вредная изменчивость начинает проявляться и нередко приводит к разрушительным последствиям (таковы биологические основы юридических законов, запрещающих браки между ближайшими родственниками). В опыте доктора Колхауна были взяты четыре супружеские пары, которые в благоприятных условиях изоляции и при искусственном устранении внешних факторов естественного отбора дали многочисленное потомство. Понятно, что в этих случаях эффект близкородственного скрещивания проявил себя во всей своей полноте.

Сработал и еще один природный механизм. Он слишком специален, чтобы его здесь описывать. Отмечу лишь, что в неестественных условиях, тем более в условиях изоляции, пусть даже «комфортальной», многие животные вообще плохо дают потомство. Вот почему, видимо, и тут многие особи третьего и, особенно, четвертого поколений лишлись инстинкта размножения, что в конце концов и привело к вымиранию мышиного «рая».

Таким образом, опыт промоделировал вполне определенную генетическую ситуацию, подтвердил ранее сделанные теорией выводы. Проводить аналогию, как это попробовал Колхаун, с человечеством, да и просто с крупным сообществом животных в естественных условиях, нет никаких оснований.

Р. ЧАЙЧЕНКО, кандидат биологических наук, доцент Киевского университета